

Не менее важна другая выходная миниатюра с изображением автора хроники, монаха Георгия Амартола. Она, несомненно, представляет копию с византийской миниатюры рукописи, т. е. протооригинала извода хроники, и выполнена с таким же отличным мастерством, как и первая. Она передает не только портретные черты худого, бледного монаха, но и способ его писания всей хроники, так как он пишет свой труд не в книге, а на большом листе пергамента, что указывает на писание свитка. Из этого явствует, что русская копия донесла тип первоначального греческого извода в его полной сохранности.

Вторая выходная миниатюра еще яснее раскрывает свойства кодекса, так как дает портрет автора, а обе выходные миниатюры стоят в связи с историей иллюстрированной рукописной книги. Выходные листы рукописных книг представляли собою два рода рисунков: 1) изображение авторов и 2) изображение лиц, которым посвящена книга. Уже в эпоху Птолемея является такая книга. Сенека видел книги, украшенные наподобие стен дома, с портретами авторов, а Иоанн Златоуст видел книги, на которых вверху находилось царское изображение, а внизу — изображения побед и трофеев.¹ Эти два рода выходных картин прослеживаются во всей истории византийской иллюстрированной книги. Так, на одном из выходных листов рукописи Диоскорида Венской библиотеки находится изображение Юлианы принцессы, владельницы рукописи, подобно тому как позднее на выходном листе Изборника Святослава 1073 г. находится изображение этого князя с семейством. На другом листе рукописи Диоскорида находится изображение самого Диоскорида как автора, подобно тому как перед каждым евангелием находится изображение соответственного евангелиста. Таких рукописей, однако, слишком много, чтобы можно было их перечислить, но на русской почве кодекс Хроники Георгия Амартола является замечательным исторически выдержанным экземпляром средневековой иллюстрированной книги и, как таковой, хорошо характеризует почин тверского князя, о котором летопись говорит: «в сладость послушая божественных книг по вся дни и нощи» [Тверская летопись под 6827 (1319) г., стр. 412—413].

Обе разобранные картины, однако, имеют особенности, типичные для средневековой идеологии, и в этом отношении по существу начинают собою цикл картин, иллюстрирующих текст. Дело в том, что Хроника Георгия Амартола есть мировая история, т. е. история всех земных царств, начиная с сотворения человека, но вся она проникнута средневековым библейско-

¹ Д. В. Айналов. Эллинистические основы византийского искусства, стр. 36—38; Н. П. Кондаков. История византийского искусства, стр. 37 и сл.